

АМАЛИ
БРАУН

АННА
ЛАПИНА

Майная
ДВОЙНЯ ОТ ДЕКАНА

СТРАХИ ПРОШЛОГО

Анна Лапина

**Тайная двойня от
декана. Страхи прошлого**

«Автор»

2023

Лапина А.

Тайная двойня от декана. Страхи прошлого / А. Лапина —
«Автор», 2023

Несколько лет назад я пошла на преступление, на которое толкнула и свою подругу репродуктолога. Мы сделали мне ЭКО от постороннего мужчины, который даже не для этого сдавал свой материал. Я думала, что мы никогда с ним не встретимся. Но какого было мое удивление, когда через несколько лет я встретила его в академии искусств, в которой учусь. Он - мой новый декан. А я и мои двойняшки - его главная головная боль. Кто кого?

© Лапина А., 2023

© Автор, 2023

Анна Лапина

Тайная двойня от декана. Страхи прошлого

Глава 1

Владислав

– Влад, не забывай, что это и твоя академия тоже. Я не могу всё за нас двоих решать! – рычит брат, после того как слышит очередной отказ.

Нет, ну разве я не мог позже заехать в академию? Какого чёрта решил прикатить в такую рань? Не хочу я замешать брата и иметь какое-либо дело со студентами. Давно этого не делал и не планирую. Студенты – это участь Егора и Вадима.

А я отошёл от этих дел. Мне хватает и того, что я социальной жизнью академии занимаюсь и за продвижением слежу.

И, пожалуй, на этом всё!

– Вадим, выдыхай. – Пересаживаюсь со стула на диван, который расположен в конце кабинета. Как можно дальше от этого «биг босса». – Давай просто отменим урок, – предлагаю родственнику, которому идея явно не нравится. – Порадуем студентов. Сделаем им подарок на начало учебного года. Поверь, они будут в восторге.

Брат встаёт вслед за мной и недовольной тяжёлой походкой направляется к дивану, на котором я сижу.

– Живо поднимай свой зад и иди на урок. – Протягивает руку, намекая на то, что, если я не встану, он поможет.

– Интересно, я выгляжу так же смешно, когда злюсь? – Хватаюсь за руку и с помощью брата встаю на ноги.

Он же не отстанет от меня!

Если не пойду сейчас с ним, потом ещё долгое время будет меня раздражать своим нытьём и гундежом.

– Хуже, – бросает и, развернувшись, направляется к выходу.

– А ты куда? – сморщив лоб, спрашиваю у Вадима, следуя за ним.

– Провожу, чтоб не заблудился, – произносит через улыбку.

Ему кажется это смешным? И кто ведётся на такие шутки? Не зря он не может найти себе женщину. Нудный, скучный ботаник, педант и чересчур серьёзный. Ещё и эти шутки а-ля Петросян. Не судьба ему девушку найти! Ой, не судьба! Она же сбежит через пять минут.

– Как ты и сказал, это и моя школа тоже. Дорогу я знаю. – Торможу брата за плечо, опережая, но тот не отстаёт.

Грёбанный зал ещё, как назло, находится в другом корпусе, и идти до него полжизни.

Зачем я повёлся на Вадима?

Ну поворчал бы как дед, потом забыл бы, и дело с концом!

На хрен?!

Ну вот что за серьёзный братец у меня? Ну можно мне было второго такого, как и младший Егор? С которым и в клуб можно. И трёх девчонок на двоих снять.

Хорошо, что мы с Вадимом только внешне похожи, а характеры у нас совершенно разные. Я бы не пережил, если бы был таким же занудой, как он.

– Ещё и отец давит со своими наследниками. Ты же знаешь, что я не могу, – произносит, вместе со мной следуя по коридорам, которые мы с детства знаем как свои пять пальцев. А вот студенты порой теряются. Помню, как раньше студенточкам помогал дорогу находить в свои тусы... ой, в нужные аудитории. А потом отец какие-то правила придумал, и я свинтил из академии.

– Какие, к чёрту, дети, Вадим?! – восклицаю, вздёрнув одну бровь.

– Наши с тобой, брат, наши. Отец ясно дал понять: или наследники, или мы остаёмся ни с чем, – продолжает говорить то, что я никак не могу и не хочу понимать. Когда заводить спиногрызов – моё личное дело. И это точно не в ближайшие лет десять произойдёт.

– Может, остынет и забудет? Где я, а где дети? – возмущаюсь, потому что жутко бешусь, когда отец начинает в наши с братьями жизни вторгаться. – Да и тебе пора уже открыться родителям и рассказать о себе, – предлагаю Вадиму, который только мне рассказал свою тайну.

Брат кривится и недовольно поджимает губы. Диагноз, поставленный ему полгода назад, до сих пор не даёт ему расслабиться.

– Слушай! – Останавливаюсь посреди коридора. – Может, нам сказать отцу, что у нас с тобой это генетическое? Мы же близнецы. Вот у обоих проблемы с продолжением рода. Тогда и ты, и я в шоколаде, – предлагаю идею брату, которая, как по мне, просто гениальна.

– Влад, может, я и зануда, а вот ты идиот. – Хлопает по плечу и продолжает идти вперёд.

– Убьём двух зайцев. – Ускоряю шаг, чтобы догнать Вадима.

– Выбрось эту идею из головы. Лучше давай придумаем что-нибудь реальное. Мы в эту академию вложили всю душу и своё время. Я не могу позволить отцу отобрать её у меня.

– У нас, – поправляю.

– Именно. Это я и имел в виду, – соглашается. Для Вадима академия намного важнее семьи. Для него его ребёнок – это место, которое он любит, холит и лелеет. Благодаря ему оно начало процветать и расти.

– А что Егор? Он опять выйдет сухим из воды? Пусть младшенький хоть раз постарается и что-то сделает. Тем более для него это не составит большого труда, – вспоминаю о нашем третьем брате. Любимчик семьи, для которого жизнь – малина.

– Об этом позже. Мы пришли, – указывает на дверь. – Прощу, Владислав Данилович! – Тянет дверную ручку вниз. А я, вздохнув, без лишних слов захожу в танцевальный зал под названием ад. Главное – пережить эти полтора часа муки.

Зайдя и не поприветствовав студентов, сразу же усаживаюсь за синтезатор и начинаю готовиться.

Обойдутся, салаги! Пусть вообще спасибо скажут, что я пришёл.

– Начинаем, – произношу, сменив очки для зрения на солнечные.

Так я себя ощущаю намного комфортнее, ну и надеюсь, что они хоть немного отвлекают внимание от безобразных дёрганий студентов.

Хоть здесь и много девушек в коротких шортах и в лосинах, время всё равно тянется мучительно и невыносимо долго.

Меня вообще отталкивают и раздражают люди, которые занимаются творчеством и делают это плохо. И эти студенты из сегодняшней группы выполняют свои задачи слишком плохо. Я бы сказал – ужасно!

Кто их вообще сюда пустил?! Какой слепой очкарик их вообще зачислил на факультет хореографии? Кто?! Покажите мне его, и я ему выколю глаза, а потом свои, чтобы никогда этого больше не видеть.

– Извините за опоздание! – Торопливо врывается в кабинет ещё один студент, вернее, студентка.

Уверенной походкой она тут же приковывает все взгляды к своей персоне. В том числе заполучает и моё внимание.

Ну что же... Посмотрим, на что она способна в танце.

С особой страстью и даже придирчивостью наблюдаю за опоздавшей девушкой, пытаюсь хоть какой-то недостаток в ней найти, но чертовка даже повода придрачиться не даёт. Исполняет всё чисто, аккуратно и даже с ритма не сбивается.

Ведьма, что ли? Быть такого не может, чтобы ни одной ошибки не допустить!

И мне бы радоваться тому, что не всё потеряно с этим молодым поколением, но не могу. Не могу! Отчего-то хочется указать высокомерной студентке на её место. А то смотрит на всех, в том числе и на меня, свысока и даже нос не опускает.

Будто бы всё вокруг ей одной принадлежит и все должны ей поклоняться. Ненавижу таких. Особенно когда это ещё и заслуженно.

Остальные же студенты ликуют. Я даже внимания на них не обращаю, продолжая за девчонкой наблюдать. Расслабились и ещё хуже двигаться стали.

Разбаловал их, Егор, разбаловал!

– Перерыв пять минут, – объявляю, прекратив играть.

– Фух! – тут же звучит, и аудитория в одно мгновение наполняется шумом голосов. Им будто пробку изо рта выдернули, и их прорвало.

Выбрав одинокую рядом стоящую девушку, жестом подзываю её к себе. Та, вытерев пот с шеи, подходит и выжидающе смотрит на меня.

Я же вновь отвлекаюсь на блондинку. Та, даже после той встряски, что я им устроил, улыбается и кажется бодрой. Вот же ведьма с мотором.

Хм-м... А она в каждом занятии такая энергичная?

– Извините, – напоминает о себе кудрявая брюнетка, которую я позвал. – Вы меня звали? – неловко мнётся и избегает встречаться со мной глазами.

– Ага, – киваю и не свожу взгляда с высокомерной стервочки.

Я бы такую попробовал. И не один раз. Люблю выносливых. А потом бы точно указал ей её место.

– Зачем? – нервно уточняет мой источник информации.

Чего она вообще ко мне привязалась? Чего хочет? Отвлекает только! Я, может быть, здесь планы строю, а она поболтать с преподам решила. Как отчислю сейчас, и отстанет навсегда.

– Что зачем? – раздражённо переспрашиваю и окидываю её убийственным и недовольным взглядом.

– Позвали вы меня зачем? – испуганно шепчет, сжавшись в один маленький комочек.

– А-а-а, точно, – вспоминаю и даже на секунду неловко становится. Но всего на одну. – Знаешь её? – веду головой в сторону блондинки, и девушка активно кивает. – Кто?

– Вика Лапина, – раздражённо отвечает девчужка. – Звезда нашего курса. Считает себя лучше всех и ведёт себя всегда как королева.

А она не лучшая? Пока из того, что я видел, – точно лучшая!

– Ещё, – требовательно произношу.

– Ну, хоть и звезда, но на парней наших не ведётся, – продолжает девчонка, но уже не так бойко. – Да и на старшекурсников тоже. Точно считает, что они недостойны её. Королевишна, блин! Вся из себя всегда приличная, аккуратная, воспитанная. Мажорка, в общем! Отец и дед у неё крутые, вот и строит из себя госпожу мира.

«Госпожа мира», – хмыкаю про себя, представляя Лапину в кожаном костюме и с плёткой.

– Хм-м, – задумчиво тяну, быстро собравшись. – Лучше всех и королева, – повторяю. – Будем разбираться, – кидаю девушке и дарю ей улыбку. – Ты тоже ничего так двигаешься из девчонок, – нагло лъщу, чтобы в её лице заполучить своего шпиона и крысу.

Вадим точно меня здесь будет держать, пока Егор не оправится. А это значит, что мне везде нужны свои люди. И в этой группе тоже.

– Правда? Вы так думаете? – вмиг из уставшей и злой студентки превращается в кокетку. Заправляет прядь за ухо и хлопает ресницами, глядя на меня. – Я, кстати, Ксюша Ермолина. Староста этой группы.

– Да, у тебя есть талант! – бросаю ей и разворачиваюсь. – Перерыв окончен! – выкрикиваю, подключаясь к колонкам, которыми весь зал оснащён. – Сейчас все танцуем по очереди!

Соло-партии! – объявляю и возвращаюсь к ним с уже готовым плейлистом. – Я задаю ритм, вы подстраиваетесь и показываете, на что способны.

– Соло? – звучат перешёптывания за моей спиной. – Только не соло! Не хочу соло! Блин, соло! Капец!

– Соло, – повторяю и делаю вид, что мне всё равно, кто пойдёт следующим. Но я уже знаю, кого хочу в данную минуту видеть в центре зала. – Ты, – киваю на Лапину. – За опоздание ты танцуешь первой. Будешь теперь знать, как опаздывать.

Уставившись на меня задумчивым и, я мог бы сказать, мстительным взглядом госпожи, она впервые смотрит на меня. Именно на меня, а не на своего преподавателя по танцам. Но ни шага в центр не делает.

– Могу я пропустить кого-то из одноклассников? Мне слегка... – делает паузу, придумывая причину. – ...меня слегка тошнит. Буквально минутка нужна, – цепляет на лицо широкую, но лживую улыбку.

– Нет! Ты! Я хочу посмотреть на то, как ты двигаешься, – с вызовом произношу, но, как назло, после моих слов звучит громкий колокол, оповещающий о том, что пара окончена и пора перемещаться на другую лекцию. Чем Лапина и пользуется.

– Не судьба. Учебное время вышло, – тянет королева везения, улыбнувшись в этот раз со всей искренностью. – До свидания! Спасибо за урок! – бросает и, схватив сумку, вылетает пулей из зала, пока другие студенты отправляются в раздевалку переодеваться.

Немного не понял!

Она меня что, кинула? Обыграть решила?! Меня? Влада Громова? Да меня ещё ни одна баба вокруг пальца не обводила! Ни одна!

Пф-ф-ф! Не на того нарвалась, госпожа...

Я тебе покажу, кто хозяин и господин!

Глава 2

Виктория

Выбегаю из аудитории и хлопаю дверью с такой силой, что грохот от того, как она ударяется о раму, слышит, наверное, вся академия.

Но мне плевать на это, потому что у меня паническая атака, кажется. Я не уверена. Но моё сердце бьётся с такой скоростью, словно я сейчас инфаркт получу.

Когда я заходила в аудиторию, то даже не приглядывалась к преподавателю за музыкальным инструментом. Я думала, это Егор Данилович, но просто с новой стрижкой, стилем одежды. Да и эти очки на пол-лица скрывали мужчину. Вот и не обратила внимания на чудика.

Но когда новый преподаватель объявил о перерыве, а потом о том, что теперь он хочет, чтобы мы соло для него станцевали, и вызвал меня, я просто обомлела.

Я разглядела его.

И это не Егор Данилович. Совсем нет!

Похож немного, но нет! Это не Громов, который вёл у нас весь прошедший курс. Который, разглядев во мне талант, стал давать ещё и дополнительные уроки во внеучебное время.

И который всегда мне делал поблажки, зная, что я иногда опаздываю из-за детей, что не хотят меня куда-то отпускать и вечно что-то прячут. То телефон, то ключи от квартиры, то от машины. То ещё от чего-то.

Это не Егор!

Этот мужчина... Он...

«– Смотри, а как тебе этот? – подставляет мне фотографию клиента клиники подруга, выбрав его из своей стопки. – Симпатичный, – пожимает плечами, оценивая его.

– Ну да, – беру фотографию и разглядываю её. – Глаза красивые и черты лица приятные. А рост какой? Не карлик?

– Высокий.

– Телосложение?

– Всё в норме, – уверяет она меня. – Я его лично видела! Всё при мужике! И даже там всё хорошо, – заговорщицки шепчет, поиграв бровями. – Мне наш уролог сказала, что там очень даже хорошо.

– Здоров? – спрашиваю, оторвав взгляд от изображения человека, которого собираюсь обокрасть.

– Абсолютно!

– Значит, берём его? – с сомнением уточняю, хотя до сих пор не в восторге от идеи, которая нам с Катей в голову случайно пришла. Но она решит все мои проблемы.

– Конечно! – восклицает, коварно улыбнувшись. – Ну а что ему? Он никогда не узнает об этом, а твою проблему решит!»

– Мне просто показалось! Просто они похожи, – шепчу себе под нос, идя по коридорам в другой корпус. – Просто показалось!

Такого быть не может, чтобы в той клинике обычный преподаватель обследовался. Не может он им быть! Да, они здесь, в академии, получают нормально, но явно не столько, чтобы сдавать анализы на всю свою зарплату.

Отсидев ещё одну пару по актёрскому мастерству, которую у нас ведёт бывшая артистка театра, еду домой. Но на лекции, к своему стыду, совсем не слушаю женщину. Мысли то и дело возвращаются к преподавателю и фотографии. Сравниваю их, пытаюсь найти различия и сходства. И пока пятьдесят на пятьдесят.

Но я ведь могу ошибаться. Я тогда в первый и последний раз видела ту фотографию, и сейчас могу просто ошибаться. Просто устала очень, вот в голове ненужные ассоциации и возникают.

Ну не может этот мужчина быть тем самым!

Ну не может судьба так со мной зло пошутить! Земля, конечно, круглая, но не настолько!

Приехав домой, сразу же отпускаю няню и иду в детскую, где мило сопят мои двойняшки. Моё маленькое чудо, которое я украла. И мне вовсе не стыдно.

– Мамулечка, это ты? – сонно шепчет Инна, когда я укрываю одеяльцем. Опять раскрылась во сне, моя бунтарка.

– Тиш-ш-ш, – тяну, убаюкивая свою трёхлетнюю малышку. – Спи. Тиш-ш-ш...

– Мамулечка, – бормочет она во сне и крепче подушку к себе прижимает.

Хмыкнув и улыбнувшись, подхожу ко второй кровати и умиляюсь моей соне Алине, которая может спать при любых обстоятельствах. Хоть ремонт, хоть крики, хоть концерт в нашем доме и под её ухом. Полная противоположность Инны в этом ключе. Та спит чутко, но, слава богу, её можно уложить всегда обратно спать.

Быстро целую их в щёчки и выхожу из детской, направившись к себе в спальню. И, наконец, стягиваю с себя костюм для хореографии, который сразу после первой пары снять надо было. Но мне было не до того.

Переодевшись, убеждаюсь, что девочки ещё спят, и звоню родителям, которые уехали сейчас отдохнуть на море. Обожаю с ними поболтать, когда выпадает свободная минутка.

Узнаю о том, что у мамы с папой всё в порядке. Слушаю забавные и нескончаемые ворчания папы, что мама чуть его не бросила ради какого-то известного турка, которого они встретили на прогулке.

В общем, у этой весёлой парочки ничего не меняется. И это всегда поднимает настроение.

И почему судьба надо мной поглумиться решила, подарив мне дурацкую болезнь? Разве не могло всё случиться позже? Когда я нашла бы своего мужчину?

Теперь я мать-одиночка, но, к счастью, мать.

– Мама! Мама! – кричат двойняшки и врываются в мою комнату почти сразу же после того, как я заканчиваю разговор с папой. – Давай иглать?! Пошли иглать! Пошли! – хватают

меня за обе руки и тащат на коврик. – Мы хотим играть! – заявляют они мне, и у меня в голове тут же возникает лицо преподавателя и его слова о том, что он хочет, чтобы я танцевала соло.

У него и у девочек даже манера говорить и требовать одинаковая.

Боже! Паранойя какая-то началась уже!

Мне кажется! Мне просто кажется! Это всё усталость, не более того!

Не может новый преподаватель быть отцом моих девочек! Не может! Нереально!

Всю ночь ворочаюсь и не могу уснуть. То одни, то другие мысли посещают меня, заставляя думать и лишний раз паниковать. И все они связаны с новым преподавателем.

Не может быть такого, что в таком огромном многомиллионном мегаполисе я встретила его именно в академии, в которую мечтала попасть с раннего возраста. Либо судьба играет со мной злую шутку, либо я настолько везучая.

«Утром первым же делом поеду в клинику и выпрошу его фотографию, – обещаю себе, злясь на свою паранойю. – Может, всё же это мои глюки и мне показалось?» – пытаюсь себя до последнего успокаивать, но не помогает.

Понимаю, что ночью ничего не решу, но дурацкие мысли не дают даже глаз сомкнуть. Поэтому решаю отвлечься и в очередной раз посмотреть фотографии моих крошек, начиная с самого их рождения. Я готова рассматривать их вечно. Каждую минутку. Каждую свободную секундочку.

Мои девочки – самое лучшее, что со мной происходило в этой жизни. Даже танец для меня давно уже не на первом месте.

Дойдя до их второго дня рождения, кидаю взгляд на часы. Начало пятого утра. Рано, но, в принципе, можно «просыпаться».

Принимаю душ и начинаю собираться в клинику. Как только няня придёт, сразу же поеду в клинику. Как раз к её открытию подъеду и пары не пропущу.

«Выезжаю к тебе, жди» – пишу сообщение подруге, которая как раз таки и помогла мне тогда проверить нелегальное дельце. Давлю на газ и направляюсь в знакомое мне место, в котором не была около трёх лет. Которое и подарило мне радость материнства.

– Катя, у нас ЧП, – влетаю в кабинет репродуктолога и усаживаюсь в кресло напротив рабочего стола подруги. – Мне нужно его фото, – прыгаю в омут с головой, сразу же начав с требования.

– Ну, привет, – намекает на мою невежливость.

Катя ненавидит, когда к «её величеству» относятся не соответствующе. А я же привыкла, наоборот, сразу переходить к делу и не тратить время на лишние слова. Тем более сейчас, когда ситуация на грани нервного срыва.

– Катя, мне срочно нужно видеть его фото, – повторяю как попугай, потому что мою просьбу Савельева, кажется, решила проигнорировать.

– Вика, успокойся! – цокает она языком, поняв, что не добьётся от меня приветствия. – Ты чего как заведённая с утра пораньше? Чью фотографию ты хочешь видеть? – закидывает вопросами, видя моё состояние.

– Мужика, чей материал мы тогда использовали, – объясняю, неосознанно крутя письменную ручку в руке. Закусываю губу и жду от неё ответа.

– Вика, тише! – шикает на меня и переходит на шёпот, потянувшись ко мне через весь стол. – Мы же ещё четыре года назад договорились молчать и больше не вспоминать эту историю, – сверлит меня серьёзным и злым взглядом. И я понимаю почему... Если наша тайна раскроется, то Катю по статье могут уволить или вообще посадить. А что будет со мной и букашками – даже думать не хочу.

– Да просто решила познакомить девочек с отцом, – наигранно улыбаюсь, но паника в глазах выдаёт.

– Ты его видела? – вмиг догадывается, округлив глаза. Видимо, я всё же заинтриговала соучастницу преступления.

– Преподаватель в академии, – выпаливаю и убираю с лица всю фальшь. Катю мне не провести. Никогда не удавалось. И сейчас не вышло.

Савельева без лишних слов поворачивается к компьютеру и принимается искать информацию по нашему делу.

В официальной базе клиники меня, как пациента репродуктолога Екатерины Савельевой не найти. Для всех у меня естественная беременность. Даже для родителей и всех родственников. Лишь я и Катя знаем об истинной истории моей беременности.

Но в закопанных папках под девятизначными паролями Катя хранит все свои тайны. Одна из них связана со мной.

Ведь около четырёх лет назад, когда мне поставили диагноз «истощение яичников» и сказали срочно рожать либо лечится гормонами, я приняла решение и выбрала первый вариант.

Врач прогнозировал успех при втором варианте лишь на пятьдесят процентов. А я всегда мечтала о детях, пусть не в таком раннем возрасте. На тот момент я не могла себе позволить рисковать и прожить жизнь, не ощутив всю прелесть материнства.

Да, можно было бы в будущем усыновить или удочерить, но хотелось свою кроху. Родную. На меня похожую.

Сегодня я ничуть не жалею о принятом тогда решении. Но во всей этой истории есть одна маленькая загвоздка. Я сделала ЭКО.

Рожать от кого попало я не хотела. А тем более спать с первым встречным. А узнавать, встречаться с кем-то и строить отношения было долго. У меня было слишком мало времени. Слишком мало шансов.

Экстракорпоральное оплодотворение я делала нелегально. То есть кандидаты, которые добровольно сдавали материал для будущих мамочек, меня не устраивали. Какие-то все не такие.

Поэтому Катя предложила повернуть аферу. Мы, конечно, были тогда не в самом трезвом состоянии, но наутро решение не поменяли и начали готовиться.

Она достала список клиентов клиники, которые ежегодно сдают анализ для проверки состояния своего здоровья. Вот среди этих мужчин и нашёлся один, который по всем параметрам подходил на эту роль.

Высокий, здоровый, крепкий, с хорошими генами и без каких-либо аномалий. И до чёртиков красивый.

Почему-то тогда я думала, что у меня обязательно будет сын, и хотела дать ему хорошую внешность, поэтому меня интересовало всё в будущем отце моих девочек.

И сейчас, естественно, мужчина и не подозревает, что где-то на этом свете бегают две милые трёхлетние девочки, которые одним только взглядом могут сразить всех окружающих наповал. С его глазами и ростом. Высокие у меня малышки. Явно не в меня.

– Нашла, – произносит Савельева, покусывая нижнюю губу. С сомнением смотрит на меня, не зная, показывать или нет.

– Показывай! – кидаю раздражённо. И когда Катя поворачивает монитор в мою сторону, сердце на мгновение останавливается.

Это он!

Чёрт!

Это он!

– Ну, он? Или не он? – вырывает меня из моих собственных мыслей Катя. – Это он?

– Он, – киваю и откидываюсь на спинку стула, понимая, что это конец! Я родила и украла материал у преподавателя по хореографии. И самое ужасное, что мы встретились.

– Точно? – скулит подруга, понимая, что это значит.

– Да точно! Точно! – недовольно кривлюсь. – Я его хорошо запомнила. Ты же знаешь мою память на лица. Он как очки снял, я сразу его узнала, но решила, что мне показалось. Глюки думала. А теперь... Это точно он.

– Н-да, проблема...

– Ага, – киваю.

– Но он ведь не знает, что ты родила от него, – принимается меня успокаивать. – Он вообще не знает, что его живчиков тогда пустили в дело в конечном счёте. Поэтому можешь не переживать! Он не тронет девочек.

– Но он ведь их отец, – пожимаю плечами. – Меня и так каждый раз совесть на части разрывает оттого, что мы тогда провернули это дело. Стыдно перед человеком. И гораздо приятнее было страдать, не зная его в лицо.

– Вика, даже не думай! – шипит подруга, поняв, что я задумала. – Он не знает о том, что мы сделали, и не должен узнать! Ты мне тогда, в конце концов, обещание дала! Что никто ни о чём не узнаёт!

– Помню я!

– Я тогда ради тебя на преступление пошла! – шёпотом кричит на меня. – И я не собираюсь садиться в тюрьму за эти махинации! Я тебе помогла! А ты меня под статью хочешь подвести?

– Прости, – беру её за руку, заскулив от собственных мыслей. – А если он сам узнает?!

– Да как он узнает?! – восклицает, не в силах сдержать свои эмоции. – Он тогда просто проверялся на болезни. А потом... А потом мы его немного использовали. Он даже не для твоих целей своё семя сдавал! Так что молчи в тряпочку, и никто не узнает! В этом деле только я замешана и медсестра, но она, к твоему счастью, переехала в другой город!

– Ладно, ладно!

– Смотри мне!

– Прости, – искренне извиняюсь. – Ты права. Алина и Инна только мои. А этот, – киваю в сторону фотографии, – никогда не узнаёт про них. У него явно уже свои есть и жена. Зачем ему мои букашки? И не факт, что ещё проблем себе не создадим. Правда ведь?

– Вот-вот! Живём, как и прежде!

– Ага, – вздыхаю. – Но как мне с ним себя вести?

– Как с обычным преподавателем, – цокает подруга, посмотрев на меня, как на дурочку. – Вот на первом курсе как?

– Там был Егор Громов. И между нами были приятельские отношения. И вообще... у нас в расписании Егор стоит преподаем на этот сезон.

– Ну вот, тем более! Этот явно у вас на один раз! Замена там. Бывает ведь!

– Ага! – воодушевляюсь вмиг. – Ты права! Просто я запаниковала! Извини! А теперь я пойду, – произношу, взглянув на часы. – Мне к первой паре и в ту сторону, как всегда, будут пробки! Люблю, Катюш! Целую! Спасибо за помощь!

– Вечером заедешь с крестницами моими? – кричит в спину, заставляя меня в двери.

– Заедем! Так что закупайся шоколадными яичками! – подмигиваю и покидаю её кабинет в приподнятом настроении.

Ну и что, что я теперь знаю, кто отец Алины и Инны. Он творческий человек. Это даже хорошо! Девчонки у меня будут, значит, такими же. В меня и в него.

Это ведь круто! Даже было полезно его увидеть разок. Оценить. Хам он, конечно, но детям это не достанется. Я их нормально воспитываю.

В академию прихожу настороже, боясь того, что даже вопреки своим мыслям встречу его ещё раз, но мне везёт. Хореографию на всю неделю отменяют, объяснив это тем, что Егор Данилович на больничном. Про замену, а тем более отца моих девочек, ничего не говорят.

За пару дней полностью успокаиваюсь и прихожу в себя. Убеждаюсь в том, что никогда больше не увижу мужчину, и продолжаю жить дальше. Как прежде. Днём академия, вечером – дети и помощь папе с торговым центром.

Мой отец и дедушка владеют модным домом и огромным торговым центром, где основной ассортимент – производство модного дома. Брат уже давно с отцом рука об руку работает, а я лишь после того, как забеременела, поняла, что мне нужны деньги на содержание.

Мне, конечно, приходят деньги с акций. Да и карточка отца есть. Но родители с детства приучили к тому, что и самой деньги тоже зарабатывать нужно. Поэтому папа пошёл мне на уступки и взял в штат. Я занимаюсь мониторингом и анализом продаж. Ищу причины, почему тот или иной товар продаётся хуже, и пытаюсь исправить эту ситуацию.

Лёгкая работа и можно заниматься даже ночью, когда букашки спят.

– Виктория Марковна, – окликает меня няня. – Мы уже на парковке.

– Посидите там, – шепчу няне в трубку. – Я немного задерживаюсь. Но к врачу успеем!

У Громовых, владельцев академии, какие-то проблемы. И преподаватели лютуют оттого, что на них лютует начальство. А те – на нас. В общем, круговорот агрессии в мире.

– Ладно, жду, – кидает она и отключается.

И на кой чёрт я записала детей к врачу на такое раннее время? Сейчас из-за неожиданного зачёта могу опоздать на приём к стоматологу.

Ненавижу Громовых и их дурацкий характер! Один лишь Егор нормальный был. И тот в больнице!

Остальных Громовых я не знаю, конечно, но по рассказам младшего сына Громовых, Егора, понимаю, что они ещё те засранцы. Один из них, кстати, ректор академии.

Глава 3

Владислав

– Ненавижу эту академию, – тяну, сжимая в руках документы о том, что земля, на которой стоит академия, принадлежит нашей семье и власти не имеют права её трогать.

Ишь что удумали! Построить на территории академии корпус больницы. А она нам нужна, эта больница? У нас и своих психов больных хватает, чтобы других заводить.

Все последние дни бегаю по этому вопросу и решаю. Вадим и сам бы заняться, но у меня связей больше с нужными людьми. Да и я лучше буду под градус болтать с важными шишками, чем общаться с дураками и учить их уму-разуму. Поэтому брат взял на себя всю образовательную часть.

И слава богу! Я бы ещё день не выдержал! Нет, ну ради блондинки бы задержался, но та явно дала понять, что общение со мной её не интересует. Даже несмотря на то, что я могу ей предложить.

Дура! Но жизнь её! Сама выбрала и дальше гнить в академии, а не сделать шаг к известности.

Быстрыми и торопливыми шагами направляюсь к своему белому кабриолету, который совсем недавно купил и от которого просто кайфую. Но в нескольких шагах от своего коня замечаю в нём две маленькие кудрявые головки с двумя хвостами. Малышки сидят на водителем сиденье, лапают руль и всё, до чего дотягиваются, и параллельно лижут леденцы на палочках.

Замедляю шаг, пытаюсь понять, что, чёрт возьми, происходит и почему... моя машина... в розовый горошек?

– Это что за хрень? – произношу тихо, обходя машину со всех сторон и пытаюсь понять, как это произошло. Каким образом у моей машины началась «ветрянка»?

Что за, чёрт возьми, розовые отпечатки на бампере моей тачки?! Что за цветочки уродуют моего коня?

Подхожу к водительской двери и кидаю взгляд на двух тёмно-русых малышей, поместившихся вместе на одном сиденье. На моём сиденье!

– Алё! – привлекаю их внимание, щёлкнув пальцами перед их лицами. – Алё, красотки! – кидаю, отмечая, что девочки никто иные, как близняшки или двойняшки. Маленькие очки на их крохотных лица скрывают их.

– Пливет, – кидают малышки в голос и поправляют солнцезащитные очки на носиках. – Сфоткай! – произносят командным тоном.

– Чего? – не понимаю их языка. Ладно, первое слово ещё понятно. Но второе. Они меня послали? Далеко?

– Сфоткай! – повторяет та, что ближе ко мне сидит. – Чик-чик телефоном! – изображает вспышку. – Сфоткай!

– Это моя машина, – говорю им, поняв, чего они хотят и оказавшись шокированным. Эти две маргышки решили покомандовать мной?

Совсем, что ли? Я их старше в несколько раз, а они со мной, как со слугой! Вот воспитание!

– Сфоткай! – настойчивее повторяют они. – Бышла! Я сказала, бышло сфоткай!

– Эй, не хамя мне! – рычу на девчонок, но стараюсь сделать это так, чтобы они потом до конца жизни людей не боялись. – А ну, встали! Живо! Это моя машина! Быстро встали, я сказал!

– Нек! – скрещивает руки на груди, стянув очки со своего лица и с лица сестры. Думает, их взгляды, нахмуренные и злые, на меня повлияют?

– Нек! – повторяет за ней вторая, также скрестив руки и одарив таким взглядом, от которого замёрзнуть можно.

– Вы совсем, что ли? – не сдерживаюсь, закричав. – Это вы мне машину разрисовали?

– Мы!

– Зачем?

– Чтобы класиво было! – объясняют мне с таким видом, словно это очевидно.

– Давайте по очереди из моей машины! Быстро!

– Нек!

– Да!

– Нек!

– Да!

– Нек!

– Да!

– Нек!

– Да вы меня достали! Вылезайте! У меня дел куча! Нет времени с вами возиться! Мать ваша где? – оглядываюсь по сторонам и замечаю темноволосую девушку. – А вот она! Отлично!

– Ты, – грубо хватаю девушку за руку и разворачиваю к себе, отвлекая от телефонного разговора. Та окидывает меня испуганным и шокированным взглядом, явно не ожидая того, что кто-то побеспокоит её решит.

Отбираю у неё телефон и демонстративно отключаю вызов. Смотрю ей в глаза, чтобы показать всю свою злость ею и её детьми.

– Вы что себе позволяете?! – наконец просыпается мамашка. – Я, вообще-то, с парнем своим говорила! Выходные обсуждала!

– Да мне плевать, чем ты там занималась и с кем говорила, – произношу, нависая над девчонкой. Какая-то она молодая для мамашки. Если, конечно, в шестнадцать не родила. – За спиногрызами своими смотри! А не с мужиками трепись!

– Что?!

– Того! – бросаю. – Мало того что всю машину разрисовали, так ещё и внутрь забрались! – открываю ей вид на двух кучерявых близняшек в моей машине.

– О боже! – восклицает она и подбегает к детям. – Инна! Алина! Что вы сделали?! А ну, живо вылезайте! – кричит на них и мне отчего-то оттащить её от детей хочется.

Ну кто так детей воспитывает? Да, они у неё те ещё сорванцы, но будь у меня такая мамаша, которой сначала на меня плевать, а затем резко начинает орать, я бы тоже такой же был! Честное слово!

– Мы тебе не мешали, – произносит одна из них. – Сфоткай нас!

– А ну, вылезайте! Живо! – кричит она на них. – Если не вылезете, я вас накажу! Будете в углу стоять завтра весь день! И фиг вы что докажете кому-то!

– Сфоткай! – повторяют они настойчивее.

Раздражённо залезаю рукой и карман, понимая, что пока требования малышей не выполним, те на наши не пойдут. Подойдя, фотографирую их с демонстративным щелчком.

– Вот! Сфоткал! Теперь вылезайте! – показываю им экран своего телефона в подтверждение.

– Мне не нравится, – кривится та, что подальше от двери сидит. – Ещё лаз!

Закатив глаза, выполняю их просьбу.

– Ещё лаз! – уже другой близняшке что-то не нравится.

– Да вы издеваетесь! – рычу, но из последних сил делаю фотографию с уже позирующими девочками. – Вот! Всё? Нормально? Все довольны?

– Да! – кидают они, переглянувшись между собой и кивнув.

– Доставай! – поднимают они руки, и я по одной вытаскиваю из своего кабриолета. Через дверь вреднюшки отказались выйти из автомобиля. Так им веселее – заявили эти манипуляторы.

Опускаю их на землю и оборачиваюсь к своей машине, чтобы осмотреть её. И сразу же замечаю, что девочки не только внешне машину «украсили», но и внутренне. На белой коже салона отчётливые следы обуви. Грязь и пыль.

– Понарожают, а потом уследить не могут! – возмущаюсь на мать, повернувшись к ней. – Вы вообще за ними следите? Чтобы разрисовать такую огромную машину розовым горохом, надо как минимум десять минут. Чтобы забраться сюда – ещё пять! Вы что, пятнадцать минут выходные обсуждали и за детьми не смотрели?! Вы в своём уме, девушка? А что, если бы они не машину разрисовывали, а под колёса бы полезли? Я бы их не заметил?! Или в люк бы забрались? Они же бестолковые у вас!

– Я просто...

– Зачем рожать, если личная жизнь важнее?! – кричу. – Вы знаете, сколько стоило обтянуть эту машину белой кожей? И сколько будет стоить её отмыть? Что мне теперь с этим делать? С этим горохом для начала? Мне в администрацию ехать. К серьёзным людям!

– Не лугайся! – кричит одна из близняшек, оказавшись рядом со мной. – Не оли на неё и нас! А-та-та по попе!

– Накажу, – добавляет вторая, одарив меня не менее грозным видом.

Меня дети ругают? Ещё и смотрят, словно моя мама, когда я что-то натворю. Взгляд один в один. Не знал бы, что это дети этой безмозглой курицы, подумал бы, что моя мать родила где-то на стороне.

– Я... Я сейчас всё исправлю, – произносит их мамаша, вернув меня к нормальному состоянию. Достает из сумочки влажные салфетки и подбегает к машине. – Я сейчас всё ототру! Обещаю! Не ругайтесь! Я всё исправлю!

– Оттирай! – бросаю и отхожу, давая ей своё недоразумение исправить.

Ну, правда? Зачем ей дети, если она мужиками увлечена? Ну, сделала бы аборт, и дело с концом! Но нет же! Ради бабла родила! Точно говорю! Там же государство что-то даёт за второго или третьего ребёнка. Хрен с ним! Всё равно не разбираюсь!

Но этой бабе дети не нужны! Это точно!

– Не лугайся на неё, – вновь привлекают моё внимание близняшки.

– Молчите, мелкие, – бросаю им, скрестив руки на груди.

– Нек! – заявляют они одновременно и решают свести меня с ума. Наверное. О чём-то перешёптываясь, принимаются играть.

Нет! Всё же сводить меня с ума, а не играть. Играми это никак не назовёшь. Психологической атакой будет точнее. Потому что одна начинает мяукать, а вторая рычать и кричать, что она динозавр.

Твою мать! Как хорошо, что у меня нет детей!

Я бы этого не вынес!

Ни за какие деньги не соглашусь на такое! Ни за какие!

Упаси меня господь от такого!

– Мяу! – тянет одна и принимается, как котёнок, тереться о мою ногу, а вторая, подойдя, так и вовсе за ногу больно кусает. И своей крохотной ножкой наступает мне на обувь. Намеренно.

– Я динозавл! – произносит она грозным рыком и вновь кусает.

– Ай! – вскрикиваю и отскакиваю от них.

Дикари!

Заметив, что они следуют за мной, запрыгиваю в машину и захлопываю дверцу чуть ли не у них перед носом.

Твою мать! Это ещё что!

Никогда детей не заведу! Никогда!

– Мяу!

– Ар-р-р!

Ещё раз оглядев их шокированным взглядом, завожу машину и срываюсь. Даже их матери не даю машину оттереть до конца.

Пусть будет грязной, но валить надо из этого дурдома! И как можно скорее!

Глава 4

Виктория

Ну, наконец-то! Думала, что сегодня уже никогда не выйду из этой академии. Не могу понять, что могут сделать и чем могут помочь студенты с проблемами, которые упали на головы руководства?

Почему мы должны за их психи платить своими нервными клетками? Они думают, у нас проблем меньше? Ошибаются!

– Мама, – громкий и нежный голос окрикивает меня, когда я появляюсь в их поле зрения.

– Тише, тише, – обнимаю малышек, как только те подбегают ко мне и прыгают в мои объятия.

Никто из учащихся здесь не знает о том, что я не только студент, но ещё и мать двух красоток. Лучше пусть это останется моей маленькой тайной. Особенно после того, как я узнала, что отец этих принцесс преподаёт в этой академии. Им ни в коем случае нельзя сталкиваться.

Вдруг отцовский инстинкт и правда существует, и он, не дай бог, почувствует их родство.

– Леся, я думаю, вам больше не стоит приезжать с девочками в академию, – начинаю разговор, как обычно, без приветствия. – Лучше всего в дальнейшем вам с двойняшками ждать меня не на территории академии. Здесь всё же опасно.

– Мне тоже так кажется, – кидает она взгляд на Инну с Алиной.

– Что-то случилось? – поворачиваюсь к моим принцессам, о бунтарском характере которых не понаслышке знаю.

– Не-е-е, – вмиг отрицательно обе машут головой, что является очень плохим знаком. Точно, что-то произошло. И мне сейчас это не очень понравится. Очень.

– Ты опять не уследила? – повышаю тон, обращаясь к няне, которая частенько из-за разговоров по телефону со своим парнем отвлекается от дела, за которое я, между прочим, плачу ей немалые деньги.

– Всего минута, – виновато смотрит на меня. – Они такие быстрые. Фигаро здесь, Фигаро там, – рассказывает то, о чём я и так знаю.

– Поэтому я и наняла им няню помоложе, чтоб успевала за ними. Леся, это не в первый раз, – с сожалением смотрю на девушку, потому что понимаю, что нам придётся с ней прощаться. – Что они сделали? – спрашиваю о проступке.

– Они... Они... – начинает она, но двойняшки, как всегда, ей и слова сказать не дают.

– Мама, не лугайся, я сказала! – одёргивает меня за штанину Алина.

Именно она всегда является зачинщиком всех происшествий. Инна лишь повторяет за сестрой и, так сказать, поддерживает её во всём.

– Выкладывайте, – поворачиваюсь к девочкам, которые вроде бы такие маленькие, но уже такие взрослые.

– Мы всего лишь лесли полисовать, – подхватывает вторая бунтарка. – А дяде это не понравилось, и он начал лугать Лесю. А мы всего лишь иглали.

– Где они рисовали, Леся? Я не вижу на асфальте ни единого рисунка, – нервно задаю вопрос, потому что уже предполагаю, что могли натворить эти две букашки.

У девчонок есть ужасная привычка рисовать на всём движущимся и не движущемся, но только не там, где положено.

– Да мы даже не лисовали, – оправдывается одна из моих дочек. – Мы всего лишь напечатали класивые печатки на машине, – открывает свою крохотную ладонь и показывает мне те самые злосчастные печатки. – Совсем чуть-чуть. Класиво получилось!

– Отдайте мне их. Больше вы их не увидите, – произношу сквозь зубы, чтоб только не наорать на своих малышек. Быстро прячу маркер с печаткой в свою сумку, доказывая серьёзность наказания.

Непонятная у них тяга к рисованию! Совсем непонятная! Подрастут, отдам их в художку, а пока нужно просто терпеть и объяснять им, что можно, а что нельзя. И если бы они ещё слушали...

– Они на машине печатки оставили, – сдаёт букашек няня, получив от двойняшек недружелюбные взгляды.

– О боже! – восклицаю. – Что за машина? Где она? Чью машину они испортили? – держась за голову обеими руками, спрашиваю уже у бывшей няни моих дочерей.

Какой стыд!

Уже сейчас, в таком раннем возрасте, я пытаюсь воспитать из девочек хороших людей. Но как я могу это сделать, если человек, который должен ими заниматься, пока я занята, не может объяснить им, что хорошо, а что плохо? Тем более, когда у них период кризиса трёх лет. Им сейчас особенно нужно уделять внимание!

– Виктория, не волнуйся, я её протёрла салфетками, – успокаивает меня она, но от этого спокойнее не становится. Стыдно ведь перед человеком. – Да, собственник автомобиля немного возмутился, но он быстро успокоился и уехал.

– Мама, – перебивает Лесю Инна. – Он даже нас сфотографировал на свой телефон. Теперь мы в его телефоне, – радостно заявляет моя младшая дочь, которая родилась на минуту позже Алины.

– Что?! – впадаю в ещё сильнееший шок. – Леся?! – вновь обращаюсь к виновнице происходящего.

– Девочки настояли, – наигранно улыбается.

А няня с ними зачем, если уследить за этим не может? Тем более она знает мои правила.

– Ты же знаешь, что я против публичности своих детей, – ругаю её. – Не выставляю их фото нигде. Не разрешаю никому их фотографировать. Что значит, их сфотографировал посторонний человек? Кто он? На какой машине был? – закидываю вопросами и от злости готова задушить девушку голыми руками.

– Белый кабриолет, – напугано отвечает.

Может, я, конечно, немного и переборщила с претензиями. Но всё, что касается моих принцесс, по-другому я воспринимать не могу и не буду.

– Где он был припаркован? – немного успокоившись, расспрашиваю для того, что понять, чей был автомобиль. Нужно будет извиниться.

– На стоянке у выезда, – выдаёт ответ, который я боялась услышать больше всего.

– О чёрт! Там обычно паркуется преподавательский состав, – скулю от произошедшего, как щенок. – Надеюсь, он не расспрашивал тебя, кто вы и кого ждёте?

– Нет, он спешил, – выдаёт, но я уже не обращаю на Лесю внимания.

Сегодняшняя ситуация была моей последней каплей. Она больше у меня не работает! Пару дней с ними посидит мама, а я пока найду новую няню. И, надеюсь, в этот раз не ошибусь с выбором.

Поворачиваюсь к девочкам и, сменив гнев на милость, пытаюсь уже, наверное, в сотый раз объяснить, что то, как они себя ведут – это неправильно и некрасиво.

Но всё, что я слышу в ответ, это:

– Я динозавл.

– И я.

Когда закончится это кризис?! Я либо поседею, либо сойду с ума.

Владислав

Сегодняшний день с самого утра обещал быть семейным. Из больницы, наконец, выпи-сывают нашего младшенького Громова. В честь такого дела родители закатывают праздничный ужин. Для матери это вечер с сыновьями, а для отца это больше бизнес-встреча.

Ну и ладно, хоть вкусно поем.

Паркую машину на заднем дворе, чтоб никто не увидел мою малышку, измазанную в какой-то детской хрени. Далее пешком, на своих двоих, возвращаюсь к главному входу, обходя весь особняк.

Откуда взялись эти две малявки? И почему именно мой автомобиль попал под раздачу? Дурень, ещё и крышу не закрыл.

В следующий раз я в обиду своего коня не дам.

– Брат, – останавливает меня голос Егора.

Он увидел меня и мою тачку?

Ну нет, я же машину за домом оставил. Тем более уже темнеет, а у нас всё семейство страдает плохим зрением.

– А кто это у нас? Наш инвалид? – поворачиваюсь и направляюсь к беседке, которая расположена у фонтана.

Любимое место Егора. Он там всё детство провёл. Если этот бабник когда-нибудь женится, то он либо жену свою в родительский особняк приведёт жить, либо построит в своём будущем доме точно такую же. Или вообще беседку эту у родителей сопрёт. Но со своей стра-стью не расстанется никогда. Это факт!

– Проезжаешь. Других не замечаешь. Не здороваешься, – кидает с ухмылкой, когда захожу в место, напрочь пропитанное духами Егора. Они у него неизменные на протяжении всей жизни.

– Фу-у! – демонстративно зажимаю нос пальцами. – Ты что, весь флакон на себя вылил? – усаживаюсь напротив него, переступив ногу брата, которая сейчас в гипсе после столкновения с двумя девушками. Те его по башке треснули, ногу сломали и смылись. Вадим всё психует, что виновные не наказаны, а младший не сдаёт своих обидчиков.

– Что за кипишь? – присоединяется к нам мой соратник и по совместительству мой второй братец.

Мы с Вадимом всегда играем против Егора, потому что наш младший брат наглый до чёртиков, плюс ко всему всегда под родительской защитой.

– Да вот, решил поинтересоваться у брата, что за новая машина у него, – взглядом даёт понять, что мне не спастись от его шуточек.

– У тебя что, новая машина? – обращается ко мне Вадим, слегка спустив свои солнцезащитные очки на переносицу.

– Если бы, – вздыхаю.

– Ужас подкрался незаметно? – резко поправляет очки.

– Два ужаса, – поправляю своего близнеца. – Выхожу из академии злой до невозможности. Направляюсь к машине, а возле неё стоят две фифы, ещё и на одно лицо.

– О-о-о, близняшек я люблю, – чуть ли не облизывается Егор. Только этот оболтус знает, что у него на уме.

– Поцарапали? – испуганно уточняет Вадим. – Сильно?

– Слава богу, нет! Разрисовали.

– За что мстят? Плохо время провели или слишком хорошо? – всё о своём бормочет младший Громов.

– Им не больше трёх лет. Так что, думаю, дело было совершенно в другом, – недовольно отвечаю. – Ты меня с собой путаешь. Меня не интересуют студентки-малолетки.

Особенно такие сумасшедшие.

– Брат, – меняя цель, Егор обращается к моему близнецу. – Ты сегодня ездил за покупками? – вновь улыбается своей фирменной улыбкой и поигрывает бровями. – Принцесски нынче в теме? Даже ты подтянулся? Что дальше? Постельное бельё с единорогами. Розовая пижама от какой-то там Виктории Тайной?

– Не начинай, – рычит в ответ, закатив глаза.

– У меня шпионы есть везде, так что я всё про вас знаю, братцы, – выставляет два пальца и показывает знак слежки за нами.

Что он вообще несёт? Какие шпионы? Он что, в детстве не наигрался? Иногда даже не верится, что мы братья... И ему скоро тридцатник.

– А может, ты благотворительностью решил заняться? – продолжает он докапываться до Вадима.

– Что я пропустил? – влезаю в их разговор, заинтересовавшись.

– Нет, не пропустил, – вздыхает близнец. – Взросление Егора ещё не наступило. Ждём!

– Сильно, – поднимаю руку для того, чтоб дать «пять» моему компаньону.

– Слабо, – поправляет Громов-младший. – Вам до меня ещё очень далеко, – встаёт, взяв костыли, чтобы выйти из беседки.

Ловлю взгляд Вадима и подмигиваю ему. Тот понимает мои намерения с одного взгляда. Одновременно поднимаемся и идём за Егором. Хватаем его на руки и, откинув костыли в стороны, несём напрямик в фонтан. Пусть из-за гипса кидать его нельзя, но аккуратненько положить никто не запрещал.

– Вы идиоты! Шуток не понимаете, что ли? – цепляется руками за наши шеи и пищит как девчонка.

– А что такое? Сменил гнев на милость?

– Я просто забыл, что вы мужики уже возрастные. Шуток, идиоты, не понимаете! С вами надо понежнее, старички, – продолжает ходить по лезвию ножа.

Давно пора было уже проучить этого парня. Чересчур много стал себе позволять по отношению к нам с братом. Никакого уважения к старшим!

Будем воспитывать!

– Шах и мат! – выдаёт Вадим, когда Егор оказывается лежащим в фонтане, в который в детстве закидывал рублиевые монеты, потому что кто-то ему сказал, что он денежный. Чем больше кинешь, тем больше получишь.

Думаю, не стоит пояснять, как я на свой первый велосипед накопил.

– И знаешь, братец, это не нас отмузузили девчонки до больничной койки. Так что, думаю, лучше тебе молчать, пока карма не настигла тебя снова, – заключаю и направляюсь в сторону особняка.

– Карма уже близко, – бубнит себе что-то под нос.

Когда мы с братом заходим в дом, то получаем порцию выноса мозга от матери, которая в очередной раз встаёт на защиту своего третьего сына. Любименького.

За ужином Егор даже не смотрит в нашу сторону. Обижен, маленький. А вот отец не устаёт говорить о наследниках, которых ждёт от нас в ближайшее время.

Нас спасает лишь телефонный звонок, который отвлекает главу семьи от начатой темы до конца ужина. Мы даже уезжаем, так с ним и не попрощавшись, ведь он заперся в кабинете решать какие-то дела. Для него всегда на первом месте была академия и бизнес. А дети так. Сегодня они есть, а завтра вырастут!

Вот мы и выросли. Теперь ему нужна новая порция детей.

Внуки!

Но от меня он их не дождётся.

Глава 5

Виктория

Первая неделя обучения пролетает, не успеваю и заметить как. Не удивительно, ведь днём учёба, вечером и ночью – двойняшки. И так изо дня в день.

Я уже привыкла к такому графику, но частенько это угнетает даже меня. Хочется какого-то приключения, азарта, веселья, но... не выходит.

Иногда в голове возникают мысли вырваться на ночь с Катей в клуб, но потом, как вспомню, что букашки будут одни дома или с чужим человеком, вмиг желание пропадает. Родители предлагают с ними посидеть, но не мой вариант. Не люблю своих заек оставлять на ночь. Им же сон страшный приснится, и они ко мне прижаться захотят, а меня не будет...

Но приключений всё равно хочется.

Вторая неделя обучения наступает неожиданно. И я бы сказала не так, как я её ожидала. А всё потому, что на доске важных новостей академии я узнаю, что хореография вернулась в наше расписание.

Егор Данилович выздоровел?

Или?..

Только бы не «или».

Но понедельник никогда не был моим днём. И никогда им не будет. Потому что стоит мне переступить порог аудитории, как я вижу его. Наглого пижона.

– Добрый день, Виктория, – довольно тянет наглец. Отец моих девочек. – Проходите, не стесняйтесь.

– Благодарю, – кривлюсь в улыбке и иду в раздевалку, принявшись переодеваться.

– Девочки, он такой горячий, – тянет Снежа, моя одноклассница, обращаясь к своим подругам. – Я бы его прямо сейчас в этой аудитории повалила бы! На столе бы перед ним распласталась. Да и... Ну, вы сами понимаете, что я бы с ним сделала!

– А вы видели тачку, на которой он ездит? – включается в разговор её подруга. – Я ему готова в этой машине отдаться! Прямо в эту секунду!

Дуры! Лишь бы отдаться!

– А я бы с ним и просто так... – вздыхает Ксюша, староста группы. – А ты, Вик?

– Я? – поворачиваюсь к ним, хмыкнув. – Делать мне нечего! Он же самовлюблённый придурок! Переспит с вами и бросит. Сколько ему там? Больше тридцати? И он за это время ни на одной не женился. Тревожный звоночек, девочки, – кидаю и выхожу из раздевалки.

– Ну да, куда уж тебе, королеве, – кидает мне староста в спину, но я не обращаю внимания и просто присоединяюсь к уже переодетым девчонкам.

Лучше уж пусть ОН на меня пялится, чем слушать влажные мечты этих малолеток.

– Все готовы? – интересуется наш преподаватель, но смотрит он именно на меня.

Влюбился, что ли? Или бешу его так же, как и он меня, своим высокомерным взглядом? Вот и решил проверить теорию о том, что взглядом убить можно, или как минимум дыру в человеке прожечь.

– Нет. Там девочки ещё переодеваются, – отвечаю ему я, раз его внимание ко мне обращено.

– Девочки, быстрее! – выкрикивает он им. – Иначе штрафные санкции применю!

– Бежим! – кричат они из раздевалки и буквально через несколько секунд выскакивают.

Выстраиваемся в три ряда и делаем приветственный поклон преподавателю. Егор Данилович любит эту часть урока. Говорит, что ему приятно себя царём чувствовать среди студентов.

Дурак он. Но милый и чертовски весёлый.

– Для тех, кого вижу впервые, – заговаривает заместитель Егора. – Меня зовут Владислав Данилович Громов, – произносит своё имя, и моя челюсть медленно падает чуть ли не на пол.

Громов? Данилович? То есть он из тех самых Громовых, владельцев академии?

Боже! Ну как так меня угораздило! Теперь-то понятно, почему он в той дорогой клинике свой материал на анализ сдал. Деньги у мужика в кармане есть, и немалые!

Я родила от Громова! Твою мать! От Громова! Мои букашки – Громовы! А им подходит даже.

– Я совладелец академии, – продолжает, кинув на меня такой взгляд, словно от этой новости я должна прямо сейчас упасть к его ногам и кое-что сделать со своими.

Но я уже для него лучше сделала. Дочерей ему родила. Только фиг я ему об этом скажу! Катя права. Владислав никак не узнает, что его материал не утилизировали. И догадаться о том, что у меня от него дети, точно не сможет. Так что... букашки только мои.

– Начнём? – предлагает он, и все кивают. – Лёгкая разминка, а затем танцуем... – вновь взгляд на меня. – Соло!

Нет! Он издевается!

Боже, помоги мне! Не хочу для него танцевать! Не хочу!

Он же делает это чисто из вредности и обиды за тот раз, когда я ему отказала. Нельзя помогать злу!

Долгие минуты мы тянемся, растягиваемся, разминаем каждую мышцу. И всё это время Владислав не сводит с меня взгляда, будто съесть хочет и думает, с какой стороны зайти.

– Виктория, – начинает он тихим мелодичным голоском. – Соло.

– А может, не надо? – предлагаю ему. – Я стеснительная.

– Плохое качество для будущей звезды.

– Так я не хочу быть звездой, – пожимаю плечами, но, вопреки собственным словам, выхожу вперёд, в образовавшийся круг. – Я для себя здесь учусь.

– Танцуй, Вика. Танцуй!

Впервые хочу кого-то убить. Ну зачем ему это? Ладно бы, если я двигалась бы ужасно и опозорилась. Но нет! Я хорошо двигаюсь! Я знаю об этом. Я год с Егором занималась без остановки и отточила свои навыки до состояния конфетки.

Уже встаю в стойку, чтобы начать танец, как вдруг всю академию разносит громким оповещением о начале пожара.

– Владислав Данилович, пожар! – довольно тяну. – Не судьба мне станцевать сегодня, – дарю ему улыбку и иду к подоконнику, чтобы взять с него свой телефон и, как все студенты, двинуться в сторону выхода.

Беру телефон последней. Все сразу похватали всё и побежали, радуясь очередному срыву урока.

Дохожу до двери, около которой ждёт Владислав. Делаю шаг по направлению к выходу, но тяжёлая мужская рука обхватывает мою талию и останавливает.

– Стоять, Лапина, – произносит он почти что на ухо, хотя с его-то ростом, чтобы прошептать мне что-то надо либо меня поднять в воздух, либо самому наклониться. – Я тебя не отпускал.

– Но пожарная сигнализация! Пожар в академии!

– Гореть так вместе, Виктория, – шепчет прямо в губы, впечатав в свой стальной пресс. А на фоне раздаются щелчки дверного замка.

Он запер нас в аудитории! Твою мать! Мне крышка!

– Что вы делаете? – рычу на него, впившись ногтями в его спину. – Отпустите меня! Немедленно! – прикрикиваю.

– А мне нравится, – фыркает, довольно улыбаясь. – Хорошая фигурка. Талия, бёдра. Всё, как я люблю.

– А по морде получать вы любите? – кидаю ему с вызовом.

– Только если потом хорошо попросить прощения, – отвечает с наглой и, я бы сказала, дурацкой улыбкой. – Я люблю сладкие, страстные и долгие прощения. Когда девушка просит. И просит, и просит.

– А коленкой любите получать? В пах? – дёргаю правой ногой, давая понять, что его достоинство в опасности.

– Ну ладно, – сдаётся и отпускает меня, но, продемонстрировав мне ключ от аудитории, прячет его в передний карман брюк. – Танцуй, Лапина. Я жду своё соло!

– Какой же вы...

– Какой?

– Хам! Самовлюблённый пижон! Индюк! Кретин! И имбецил! – перечисляю всё, что о нём думаю.

Прохожу в центр зала и становлюсь в стойку. Делаю несколько дыхательных счетов для успокоения и начинаю.

Опускаюсь на колени. Завожу руки за спину. Выгибаю спину и полностью складываюсь в комок.

– Музыка прошу, – кидаю Владиславу, и уже через несколько секунд включается нужная мелодия.

Резко распрямляю спину, выставляю ногу в сторону, открывая вид на внутреннюю часть бедра. Плавно тянусь руками в лодыжку, почти сразу уведя руки в противоположную сторону. Получив опору, выкидываю ногу вверх. Делаю разворот и из него поднимаюсь на ноги, спиной к Громову.

Опустив руки на бёдра, покачиваясь, поднимаю их вверх, к талии и вновь вниз, но уже к ягодицам. Разворачиваюсь в танце к преподавателю лишь вполоборота и вижу, каким взглядом Владислав смотрит на меня.

Он будто бы застыл, глядя на мои нижние девяносто.

Ну точно! Не соло оценить хотел, а просто на меня попялиться. Извращенец!

– Владислав, – зову его. —... Данилович? – но он не отзывается. – Владислав Данилович, – произношу громче, перекрикивая музыку и сигнализацию.

– Что? – поднимает на меня ничего не понимающий взгляд.

– Я вас звала. Несколько раз.

– Не слышал, – бросает, не делая из этого проблему. Он думает, я не заметила, как он смотрел на меня?

– Может, потому и не слышали, что сигнализация орёт? – задаю вопрос, скрестив руки на груди и полностью развернувшись к нему. – Не думаете ли вы, что нам стоит присоединиться ко всем? Покинуть помещение, пока оно не сгорело?

– Не думаю. Не люблю быть как все.

– А я люблю, – делаю шаг к нему. – Поэтому можно я уйду? Если вам плевать на свою жизнь, то мне нет! У меня есть семья. И я хочу сегодня вечером к ней вернуться.

– Муж? – задаёт вопрос сразу же после того, как я заговариваю про семью.

– Целых семь! – отвечаю, продемонстрировав это число на пальцах. – По одному на каждый день недели.

– Как много, – хмыкает. – Но я их понимаю, – окидывает меня взглядом с ног до головы. – Таковую, как ты, хоть раз в постели поиметь – мечта любого мужика. А губами ты так же хорошо владеешь, как и бёдрами?

– Хам! – выкрикиваю и даю ему пощёчину.

– Больновато, – произносит, потерев щёку. – Хороший удар!

– Брат научил, – важно заявляю, с гордостью об Алексее вспоминая. – И если нужно, он и вас манерам научит.

– Ну что ты, малыш! Зачем нам третий лишний в нашей аудитории? Думаю, мы вдвоём справимся с чьим-то воспитанием.

– Будем! Вашим!

– Или всё же твоим, чтобы знала, что на старших руку поднимать нельзя, – плавно переходит на рык. – А тем более на преподавателей, которые выше тебя по рангу.

– Пффф! А вас не учили, что «Нет» – значит «Нет»? А за домогательства и сесть можно?

– Малыш, не зуди! Тебе не к лицу!

– А тебе к лицу? – с вызовом кидаю. – Думаешь, раз академия твоя, то тебе всё можно? Обломись, мужик! Меня нормальные родители воспитывали, и я знаю себе цену! Я и послать могу, и на место посадить в случае чего!

– А ты, наверное, думаешь и мечтаешь о принце на белом коне? Раз вся из себя такая хорошенькая, то обязательно встретишь своего Кристина Грена или Серкана Болета? В действительности всё будет иначе. Если пыл свой не умеришь, будешь либо одна, либо какому-нибудь толстому чинуше на заднем сиденье отдаваться.

– Хамло! – выкрикиваю и с трудом сдерживаюсь, чтобы ещё одну пощёчину ему не залепить.

– Курица! – бросает он мне в ответ, но дальше происходит то, что мы явно не ожидали вдвоём.

Мы наклоняемся друг к другу и сталкиваемся губами в мощном и неконтролируемом поцелуе. В нас горит страсть, злость и ненависть по отношению друг другу.

Хочется стереть его с лица земли этим дурацким, грубым, кровожадным поцелуем. Показать ему, что я непростая девушка. Что мне ОН не нужен.

Только вопрос... Зачем я его поцеловала? И теперь отвечаю на его поцелуи? В чём логика?

Его руки уже собственнически блуждают по моей пятой точке и спине.

Отрываемся друг от друга, тяжело дыша и смотря друг на друга такими глазами, будто уже ими испепелить готовы.

– Ненавижу! – кидаю ему и, воспользовавшись своим состоянием, залезаю ему в карман и достаю ключ. Отталкиваю Громова от себя и, направившись к двери, открываю её. – Не-на-ви-жу! – кидаю на прощание.

– А целуешься ты так же, как и танцуешь, – бросает он мне в спину.

Убить хочу! Ненавижу таких уродов! Индюков!

Ещё и вещи свои из-за него в раздевалке и аудитории забыла. Дождусь, пока он выйдет, и вернусь за ними.

Но с ним я больше видеться не хочу! Никогда! Иначе задущу собственными руками!

Я чертовски зла сейчас! Нет, я не просто зла. Я в ярости! Мне так и хочется вернуться и побить его. Закидать всем что под руку попадётся. Да, я не только хорошо танцую, но и прекрасно могу за себя постоять, благодаря брату.

Да что он себе позволяет? Я это просто так не оставлю. Я Виктория Лапина. Во мне течёт кровь Лапиных, а это значит быть войне.

Я тебе покажу, что значит вывести меня из себя. Ты не на ту напал, дорогой.

Вот в кого мои дочери пошли такой наглостью? Ничего! Такое больше не прокатит. Если я могу усмирить двух своих бунтарок, так их папашу и подавно.

Ладно бы просто запер нас в аудитории, приставал, поцеловал и наговорил глупостей. Он мой телефон взял, и ещё на кой-то чёрт сфотографировался на него. Надпись дурацкую ещё сделал: «Чтобы не забывала!»

Дурак!

– Где мои ключи от машины? Неужели оставила в раздевалке? – разговариваю сама с собой, тем самым привлекаю внимание других. Наплевать. Эти студентки даже и половины не знают того, что пережила я.

Нахожу ключи, а рядом с ключами в сумке валяются фломастер-печатка моих девочек.

Что бы это могло значить?

«Мечь – это блюдо, которое лучше всего подавать холодным», – говорю про себя, делая коварное выражение лица.

Ну, держись, уважаемый Громов Владислав Данилович! Будет весело!

Напяливаю на своё милое личико не менее милую улыбку и направляюсь к охране для того, чтоб узнать, какой из припаркованных автомобилей принадлежит моей жертве.

– Добрый день. Не подскажете, где автомобиль Владислава Громова? Он попросил подождать его возле машины, а я не знаю, какая именно его, – с наигранным смущением спрашиваю у мужчины лет тридцати пяти, который почему-то даже не сомневается в моих словах.

– О-о-о, Владислав Данилович взялся за старое?

За какое старое? Что этот мужик о себе возомнил? За кого он меня считает?

– Я не... – пытаюсь возразить его догадкам.

– Видишь у ворот белый кабриолет? – киваю. – Это та самая машина, – указывает пальцем.

Ни капли воспитания. Разве он не знает, что пальцем показывать неприлично. Когда вижу такое, у меня нервный тик начинается. Каждый день объясняю это Алине с Инной.

Наметив цель, направляюсь к ней незамедлительно. Пока этот козёл не вышел из академии и не взял меня с поличным, надо успеть всё сделать.

– Удачи! – кричит вслед глупый охранник.

Не оборачиваясь, закатываю глаза и иду дальше к довольно знакомой машине. Точнее, к знакомому дизайну автомобиля.

Ого! А мои дочери знали, чью машину нужно испортить! Он даже не помыл её. Кое-где ещё видны розовые печатки, не так чётко, конечно. Но это не проблема. Я сейчас же это исправлю.

Нельзя, чтобы художество моих крошек оказалось забыто.

Достаю своё оружие справедливости из сумки и оперативно дополняю рисунок своих бунтарок.

А после пульей убегаю с места преступления на заднюю парковку к своей машине.

Меня переполняют сейчас такие чувства, что словами их описать невозможно. Радость. Веселье. Безумие. И это лишь малая часть того, что я чувствую.

Вот почему Алиса всегда оставляет последнее слово за собой? Всё дело в ощущениях после.

Владислав

Эта девчонка думала, что с мальчишкой играет? Не тут-то было. Ещё не таких высокомерных ставил на место. План на день выполнен, могу смело ехать домой на заслуженный отдых.

Нет, ну хороша малышка. Характер скверный, а в целом прекрасна. Всё при ней. И фигура, и талант. Не зря с первой минуты на себя внимание обратила.

Выхожу довольный из академии и прощаюсь со студентами, которые встречаются мне на пути. Ненавижу лицемерных людей. Большой минус быть деканом – это принимать фальшивые улыбки в свой адрес за уважение. Хотя половина из них меня не переваривает.

Вот Лапина, конечно, не стесняется в своих эмоциях и словах. За это дарю ей огромный плюстик в её копилку.

– Что за чёрт?! – кидаю, когда вижу свою машину. – Опять? – вскрикиваю. – Где эти малявки? Кто их сюда впустил? – оглядываюсь по сторонам, чтоб найти двух маленьких букашек, которые обновили свои навыки «печати на холсте» в виде моего автомобиля.

Просил же охрану больше не впускать малышню на территорию академии.

Иду в комнату охраны и недовольно начинаю выяснять, как они могли профукать проход детей на нашу территорию.

– Владислав Данилович, можете камеры просмотреть. Никто с детьми за ворота академии не проходил. Мы не осмелились бы вас послушаться, – оправдывается один из нанятых братом охранников.

– Некогда мне сейчас ваши камеры просматривать. Мойка за ваш счёт, – заключаю и, захлопнув дверь, возвращаюсь обратно к бедному автомобилю, который я оберегал как зеницу ока. И у меня это получалось, пока дети на мою голову не свалились.

– Я вас найду, маленькие засранки, – шепчу, рассматривая своего пострадавшего коня.

В какой-то момент ко мне подъезжает чёрный внедорожник класса люкс. Притормаживая, водитель открывает окно, а из него показывается довольно улыбающаяся Лапина.

– До скорой встречи, Владислав Данилович, – выдаёт она, почти мурлыча, и кидает в меня несколько печаток.

Опускаю взгляд вниз, на выкинутый мусор, и узнаю его.

Это же те самые печатки, которыми мою машину малявки испортили, а теперь... Лапина?

Нахожусь в таком ступоре, что даже ответку кинуть не удаётся. Смотрю на уезжающий внедорожник, а затем кидаю взгляд на маленькие коробочки розового цвета, что валяются у меня под ногами.

– Ах, Вика! – стиснув зубы, сжимаю кулаки. – Хочешь войны? Будет тебе война! Она уже началась! – выкрикиваю.

– Что, простите? – спрашивает проходящий мимо студент.

– Иди, куда шёл, – отвечаю.

«Утырок», – уже произношу про себя.

Ты не с тем Грозовым связалась, Викуля. Даже Егор не может переплюнуть меня, когда я вступаю в игру.

– Держись, Лапина! Шатать будет не по-детски!

Глава 6

Владислав

Приезжаю в академию, как обычно, к первой паре, несмотря на то, что сегодня мне ко второй. И дело вовсе не в том, что я неожиданной любовью к преподаванию проникся и теперь мечтаю быть в ней двадцать четыре на семь. Этого никогда не будет. Всё дело в ней.

В чёртовой Лапиной! Выходки которой так и просят поставить её на место. Показать, где она должна держать свой язык и руки, которыми беду на себя навлекает. Так бы и выпорол её ремнём хорошенько, но на сильных девушках это не работает. Они, наоборот, наслаждаются такими приёмчиками. Хрен накажешь их. Только учить их надо. Только учить словами и ответными действиями.

Гонял вчера свою машину на мойку, мечтая скорее стереть грёбаные печатки. Мужики всё мытьё без остановки смеялись над боевым окрасом моего автомобиля. Подшучивали и даже фотографировали на кой-то чёрт. Пришлось соврать, что дети баловались, и вот.

Дети, блин! Одна детина высокомерная!

И ведь в мойке им не всё удалось отмыть. Мелкие чертовки умудрились как-то запачкать даже салон. Теперь на спинке водительского сиденья красуются тусклые, но заметные печатки. Придётся перетягивать кожей салон, а это дело не одного дня. Я же пока не готов так надолго расставаться со своим конём. Поэтому оставил.

Убедившись, что Лапина приехала на пары, и они у неё уже начались, иду на парковку и выискиваю среди других машин коня Вики. Она моего повредила, а я её коня подпорчу. Хорошенько так! Чтобы на всю жизнь запомнила, что значит обижать Громова!

Быстро нахожу чёрного коня Лапиной и подхожу к нему с орудием преступления в руках. У строителей по дороге стащил, а те даже и не пикнули. Наверное, сразу поняли, что иду змеюке одной мстить.

Думал вначале Вике просто машину несмываемыми маркерами украсить и написать «Курица за рулём» на капоте, но, найдя монтажную пену, придумал веселье получше. Такое, что после у неё навсегда желание пакостить пропадёт.

Около десяти минут пеню все окна машины, не оставляя ни одного пропущенного места. Практически окрашиваю её, изредка попадая на дверцы и багажник тачки Лапиной. При этом всё улыбаюсь, словно мне семь лет, а не тридцать четыре.

– Посмотрим потом, как ты на такси или на метро домой поедешь, – говорю себе под нос, осматривая свою выходку. – Я, конечно, предложу тебя подвезти, но придётся тогда отработать тебе.

Вернувшись в академию, прячу монтажную пену и весь день сижу как на иголках, дожидаясь момента, когда Лапина увидит и начнёт злиться. Когда её прекрасное и наглое личико скривится и потеряет всю свою силу. И, надеюсь, привлекательность тоже.

Ибо начало ночи я провёл в мыслях о мести, а вторую часть в мыслях о том, что бы с ней сделал, окажись она со мной в одной кровати.

По окончании пар иду на парковку, но в свою машину садиться не спешу. Жду, пока Вика выйдет, и я наслажусь её реакцией сполна. И очень надеюсь на то, что после этого желание затаскать её в свою постель исчезнет.

– На что смотрим? – пугает меня Лапина своим вопросом, появившись, как из ниоткуда.

Обернувшись к ней, встречаюсь с ледяным взглядом принцессы. Перекинув ремешок сумки через локоть, с наглой улыбкой смотрит на меня, даже не замечая того, что я сделал с её крошкой.

– На твою машину, – бросаю с усмешкой.

– М-м-м... – тянет, кинув взгляд на испорченный транспорт, который практически полностью в пене. – И как? Нравится? Красивый? – спрашивает, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Тебе плевать на то, что стёкла и машина испорчены?

– Ну, жалко бедолагу, – пожимает плечами. – Отмывать всё это будет жуть.

– И всё? И эта вся твоя реакция? – восклицаю, не понимая, почему она такая спокойная и весёлая. – Это же твоя машина! Как ты домой поедешь, если стёкла твоей тачки полностью в пене?

– Моей? – указывает на чёрный автомобиль, и я киваю. – Так я на другой сегодня, Владислав Данилович. На беленькой. У чёрненькой под крышкой что-то щёлкало, и я отогнала её в сервис. На папиной приехала, – нажимает на брелок на ключах, и третья машина от испорченной сигналит, оповещая хозяйку о снятии сигнализации.

Широко улыбнувшись, идёт к своей новой машине, победоносно повиливая бёдрами, потому что чертовка меня сделала! От и до!

– Кто это сделал с моей машиной?! – взрывает мужской голос позади меня. – Кто?! Кто?!

Обернувшись, вижу одного из комиссии, проверяющих насчёт дела о строительстве корпуса больницы на территории академии. Полноватый мужчина спешит к своему автомобилю.

– Кто испортил мою машину?! – продолжает он кричать, подлетая к своей малышке. Пытается её очистить, но... не выходит. Пена уже застыла. – Кто-о-о?! Убью!

Перец! Настоящий армагеддонский перец!

– Что происходит? – отец останавливается около меня и немигающим взглядом смотрит на машину проверяющего. Его руки сжимаются в кулаки, а челюсти скрипят от злости.

– Отец? – Вадим подходит следом, огромными глазами уставившись на то, что я сделал. Случайно.

– Лапина, – рычу, стиснув зубы, и сажусь в машину, понимая, что это конец!

Я её убью! Она меня сделала!

Два – ноль. И не в мою сторону! Ну я ей устрою! Ну я ей устрою! Будет молитв о пощаде! Я ей такую жизнь устрою, что весело не будет никому! Надо только в следующий раз всё лучше продумать.

Как этой чертовке удаётся так грамотно и профессионально уделывать меня каждый раз и увивать от ответственности?

Тот факт, что Лапина вновь меня провела, только ещё больше подогревает интерес и желание отомстить.

Если ответить её же монетой у меня не получается, тогда придётся выпустить зверя из клетки.

Девочка нарвалась на неприятности. И это факт!

– Влад, живо зайди к себе в кабинет, – слышу ор отца, как только поднимаю трубку звонящего телефона.

– Я не в академии, – зевая, отвечаю, всё ещё валяясь в постели и продумывая до мелочей план мести.

– У тебя есть ровно пятнадцать минут, – рычит. – Тебе конец! На этот раз тебе точно конец! – заключает и кидает трубку.

– Старик не в духе. Дело пахнет жареным, – уже говорю сам себе и поднимаю свою пятую точку с кровати, чтоб собраться в академию.

За пятнадцать минут я, конечно, не успею. Но часок отцу придётся меня подождать. Как раз остынет до моего приезда.

Принимаю контрастный душ, готовлю полезный завтрак и сервирую себе стол. Не могу сказать, что я педант, но мне важно, чтоб было не только вкусно, но и красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.